

На слово *дождь* (в прямом значении) дается три иллюстрации (хотя это слово по сути не нуждается вообще в иллюстрировании его): «Проливной дождь. Осенний дождь. Д. льет как из ведра» и др.

Несколько слов по вопросу о произношении, которого касается Словарь во вступительной части, и о правописании в самом Словаре.

Нужно, конечно, приветствовать рассмотрение первого вопроса (о произношении), но, во-первых, оно дано в Словаре очень кратко и некоторых сторонах произношения совершенно не освещает. Так, здесь ничего не сказано о произношении удвоенных согласных многих заимствованных слов, сохраняемых обычно (но не всегда) в таком виде в русском правописании. Но как же они должны произноситься? Словарь не дает на это ответа, а читатель может думать, что эти слова должны и выговариваться согласно написанию. Во-вторых, некоторые указания Словаря по вопросам произношения спорны и иногда противоречат тому, что говорится об этом в других специальных работах (например, Р. И. Аванесова и др.). Во всяком случае Словарь, нам кажется, должен был указать, где читатель мог бы найти более обстоятельные данные по вопросам русского произношения.

Второе — правописание тех же иностранных слов в самом Словаре. И здесь замечаем иногда расхождения не только с весьма авторитетным «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Ушакова (1935—1940), но и с новейшим «Орфографическим словарем» Д. Ушакова и С. Крючкова (Учпедгиз, Москва, 1951). Например, если в «Толковом словаре» Ушакова находим *аг(е)регат* (то есть написание и с одним и с двумя согласными), *бусоль* (только с одним *с*), *буфф(о)наада* (с одним и с двумя *ф*), а в «Орфографическом словаре» 1951 г. только *агрегат*, также в «Толковом словаре» Ушакова *бекон* (основная форма) и *бекон*, то в Словаре Ожегова те же слова даются иначе: только *агрегат*, *бусоль*, *буффонада* и *бекон*.

И еще: находим в Словаре Ожегова *вальцевать*, *гарцевать*, *глянцевать*, *танцевать* (*гарцевать*, *танцевать* и в «Орфографическом словаре» Д. Ушакова и С. Крючкова, 1951 г.), но также: *танцовщик*, *танцовщица*, а на втором месте: *танцовщик*, *танцовщица*, то есть «как раз наоборот» сравнивенно с тем, что находим в указанием «Орфографическом словаре», где имеем: *танцовщица* и (на втором месте) *танцевщица*. И здесь нет единства.

Такие расхождения в правописании особенно нежелательны в массовом издании и тем более непонятны для читателя (и дезориентируют его), что по поводу этих расхождений в Словаре Ожегова (вышедшего вторым изданием в 1952 г., то есть после «Орфографического словаря») ничего не говорится.

В своем отзыве о «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (второго издания) мы коснулись главных сторон его, отметив как положительные его черты, так и недочеты — в словарном его составе, в разработке слов, в их толкованиях и пр.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренный Словарь — нужная и полезная работа, как массовое пособие, знакомящее с наиболее активной лексикой современного русского литературного языка, дающее при этом важнейшие формы слов и ударения, стилистическую характеристику, а также толкования значений слов, иллюстрированными живыми примерами, и пр.

Словарь такого типа нужен, конечно, не только массовому русскому читателю, но и представителям братских народов Советского Союза, стран народной демократии и прогрессивным людям всего мира, изучающим русский язык, язык первой в мире страны социализма и социалистической культуры⁷.

Создание словаря такого типа — не легкая задача. В порядке дня лексикографической работы многих национальных республик Советского Союза стоит такая же задача — составление массовых национально-русских или русско-национальных или, наконец, толковых национальных словарей. И можно быть уверенным, что «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым, во многом будет необходимым пособием и образцом в лексикографической работе.

И. Белодед, П. Горецкий

Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык. 1. Материалы по диалектологии (тексты и словарь), Академия наук СССР, Институт языкоznания, Москва, 1951, 411 стр.

Названная работа по каракалпакскому языку есть только часть результатов двадцатилетних занятий Н. А. Баскакова этим языком (стр. 6). До сих пор мне известны были, например, его сочинения: «Краткая грамматика» (Турткуль, 1931), «Русско-каракалпакский словарь¹», Автoreферат докторской диссертации «Каракалпакский язык: части речи и словообразование» (М., 1950) и «Залоги в каракалпакском

⁷ Уже в 1952 г. второе издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова издано (фотооформленным способом) в Китайской Народной Республике.

¹ Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Каракалпакской АССР, Русско-каракалпакский словарь, составили Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров и У. Н. Кожуров, под редакцией Н. А. Баскакова, Госиздательство иностранных и национальных словарей, М., 1947.

язык» (Ташкент, 1951). В рецензируемом теперь первом томе даются только тексты, переводы и словарь. Главная цель книги — представить материал для изучения диалектов каракалпакского языка. В предисловии еще можно читать, что эта книга есть одна из частей лингвистического исследования автора под общим названием «Каракалпакский язык» (стр. 5), и что последует еще специальная фонетическая часть (стр. 9)².

Книга печаталась в академической типографии в Ленинграде, и, казалось бы, никаких технических препятствий к печатанию транскрипционного текста не имеется. Н. А. Баскаков употребляет как основу для своей транскрипции республиканский каракалпакский алфавит, хотя не решается и не может использовать его целиком.

Если еще имеет какое-либо основание к употреблению букв ю и ё, особенно в начале слов для дифтонгообразных звуков каракалпакского языка³, но не для ў и Ѽ во втором и далее в слогах, то едва ли чем можно оправдать употребление в академическом издании, например, къ для заднего к, гъ для заднего г, (з), нъ для носового нг. Ссылка на учительство республики, что обычно в таких случаях делается, по-моему, только может обижать это учительство: два-три знака новых едва ли могут затруднить читателя, но вот подобные двойные обозначения звуков (къ, гъ, хъ, нъ; хорошо, что нет уъ, оъ) и ю для ў, ё для Ѽ как-то, по-моему, неудобны и нехороши для академического издания, которое желательно, чтобы было образцовым. Мне хотелось бы думать, что Н. А. Баскаков увидел за последнее время неудобство употребляемой им транскрипции в своих сочинениях и высказывает мысли об улучшении алфавитов тюркских языков, что, думаю, повлияет в некотором отношении на алфавиты некоторых тюркских языков и на научную транскрипцию⁴. Однобуквенное обозначение в транскрипциях какого-либо звука является, мне казалось, общепризнанным. Как бы я ни был против некоторых букв татарского алфавита, но мне хочется здесь указать, что даже, например, диалектологическая работа по татарскому языку обходится без неудобных двойных обозначений для довольно точного воспроизведения звуков своего языка⁵.

После замечаний о транскрипции перехожу к текстам и их переводам. Автор сочинения справедливо полагает (стр. 6), что его записи текстов могут быть использованы не только лингвистами, но также этнографами и фольклористами. Но сделал ли он для этого что-либо? Ведь никаких указателей здесь нет. А оглавление всего тома заключается в объеме 18 строчек! Следовало бы, разумеется, сделать предметный указатель.

А вот на стр. 405—409 имеется список 101 лица, у которых был записан диалектологический материал. Даже если бы не было этого списка с обозначением возраста сказителей, можно было бы предположить, что большинство сказителей были люди очень молодые: много у Н. А. Баскакова скороговорок и загадок, что обычно сообщают молодые люди. Да и язык записей довольно, я бы сказал, однообразен и шаблонен (даже в пословицах и загадках). Совершенно мало богатства народного языка с его образами, эпитетами и пр. Разумеется, откуда быть хорошему языку, когда большинство сказителей было от 13 до 25 лет. А ведь известно, что лучше во всех отношениях записывать тексты от лиц сорокалетнего возраста. Некоторое разнообразие языка представляют в известной степени «джувап» — состязания в острозвонии между юношами и девушками.

Перевод текстов очень хорош, по большей части своей он даже лучше представленного здесь текста и иногда существенно расходится с ним.

Сделаю несколько замечаний по словарю (стр. 317—398). Слово аса («очень», стр. 322) не арабское, а деепричастная форма от каракалпакского глагола ас («переходить, переваливать»). Слово это имеется и в Русско-каракалпакском словаре, автором и редактором которого был Н. А. Баскаков (см. там, например, стр. 483 и 558). А вот слово сыкылды «подобный, похожий» (стр. 380) не каракалпакское, а арабское. Слово گولانسان (стр. 332, «красные пятна на лице, сыпь») состоит из персидского گول («роза») и افساندэн («рассыпать, распускать»)⁶ и незачем его сравнивать с персидским گلاب («розовая вода»).

Необходимо сказать, что в хорошем своем сочинении Н. А. Баскаков, к удивлению, приводит словарные данные по команскому (или половецкому) языку по старому, ненадежному изданию 1880 г., а данные Ибн-Мухаммы — по Арабу-филологу (1900) при наличии новейших и хороших изданий⁶. Этим обусловлены некоторые ошибки из этих прежних изданий.

² Ср. K. Menges, *Quaraqalpaq grammar*, P. 1. Phonology, New York, 1947.

³ Узбекский научно-исследовательский институт культурного строительства, Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка, Труды Хорезмской экспедиции, Ташкент, 1933, стр. 11; С. Е. Малов, Каракалпакский язык и его изучение, Каракалпакия, изд. СОПС АН СССР, Л., т. II, 1943, стр. 202.

⁴ Н. А. Баскаков, Конференция по вопросам алфавита, языка и литературы в Горно-алтайской автономной области, «Вопросы языкоизложения», 1952, № 1, стр. 167; е го же, Развитие языков и письменности народов СССР (на материале тюркских языков), там же, 1952, № 3, стр. 41—42.

⁵ Казанский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории, Диалектологик сузлек (под редакцией В. Н. Хангильдина), Казань, 1948.

⁶ *Monumenta linguarum Asiae maiorum*, I. Codex cumanicus, изд. K. Gronbech'a Copenhagen; A. Battal, Ibnu — Mühenna lugati, Istanbul, 1934.

Теперь о пометах в словаре Н. А. Баскакова. При словах, например: *молла* (стр. 370), *патша* (стр. 373), *хан* (стр. 392), *султан* (стр. 380), *бег* (стр. 326), *палишы* (стр. 373, «гладитель») и т. п.— имеется помета «уст. (арелое)», а, например, при словах: *пир* (стр. 374, «духовный покровитель, патрон»), *вазир* (стр. 331), *порхан* (стр. 374, «лекарь, знахарь»), при названиях мусульманских молитв (стр. 318, 374, 393)— никаких помет не имеется. В недавно вышедшем чувашском словаре пометы при подобных словах, мне кажутся, более выдержаными и более правильными⁷.

Хотелось бы думать, что Н. А. Баскаков изменит систему помет в своем будущем Хакасско-русском словаре (соавтор А. И. Инкинекова), о составлении которого уже сделано извещение⁸. Мне как-то даже было странно читать «уст.» при многих словах, которые упоминаются у Н. А. Баскакова чуть не на каждой странице по нескольку раз со слов молодых его сказителей⁹.

О переводах я уже говорил, они очень точны и в то же время переданы хорошим литературыным языком. Оказывая внимание и переводам, могу указать, например, на стр. 197, № 8: «Девушка-гостья, оказывается, родителями она жертвует». Сразу можно даже не понять эту фразу: уж очень она книжна и искусственна. Конечно, слово *кый* имеет значение и «жертвовать», но самое обычное значение этого глагола в каракалпакском языке будет «резать», что здесь и подходит: «девушка (и семье) гостья, она является (затем, при выходе замуж) отрезанной от своих родителей»¹⁰. Еще: на стр. 58, № 20 (ср. стр. 335, 346) вместо «в шубе из жеребячей шкуры...» я перевожу: «в шубе из грубой шерсти». Ведь *жабага* (*жабагы*) не значит «шкура жеребенка», а только «однолетний жеребенок», и перевод может быть: «в шубе жеребенка» или в жеребячей шубе, что далеко не то, что принятное русское выражение «медвежья шуба» (т. е. шуба из шкуры медведя). В киргизском, казахском и каракалпакском языках *жабага* (*жабагы*) значит еще «грубая шерсть» (весенней стрижки). Кроме того, в словаре В. В. Радлова (IV, стлб. 57), в Казахском словаре Н. И. Ильминского, а затем в этом же словаре в издании В. Катаринского приводится та же пословица и перевод: «...в шубе из овечьей шерстии»¹¹. А у самого Н. А. Баскакова *жабага* со значением «руно, шерсть» см. в Русско-каракалпакском словаре, на стр. 656.

Все тюркологи, надеюсь, будут ждать с интересом выхода второго тома¹² этого сочинения, тексты же первого тома в точной записи и в хорошем переводе, расположенные по районам, вполне отвечают цели диалектологического изучения каракалпакского языка.

С. Малов

⁷ Русско-чувашский словарь, под редакцией Н. К. Дмитриева, М., 1951, стр. 39, 158, 590, 818; ср. стр. 431, 737 и др. Ср. слова, подобные вышеуказанным, в Словаре русского языка С. И. Ожегова, изд. 2, М., 1952.

⁸ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Записки, вып. II, Абакан, 1951, стр. 150.

⁹ О термине «уст.» см. Д. Н. Ушаков, Толковый словарь русского языка, стлб. XXVII, § 15.

¹⁰ В Русско-каракалпакском словаре под редакцией Н. А. Баскакова значения «жертвовать, пренебрегать, не жалеть» и пр. при *кый* даже и нет — ср. стр. 645; есть оно (для турецкого языка), например, в словаре В. В. Радлова, II, стлб. 690; у Д. А. Магазанника, 1931, стлб. 595.

¹¹ Н. И. Ильминский, Материалы к изучению киргизского наречия, Казань, 1861, стр. 126; [В. Катаринский], Киргизско-русский словарь, Оренбург, 1897, стр. 65.

¹² Рецензия чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова была написана до выхода в свет второго тома монографии Н. А. Баскакова. Ред.